

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

ЛИКУРГ

1. О законодателе Ликурге невозможно сообщить ничего строго достоверного: и о его происхождении, и о путешествиях, и о кончине, а равно и о его законах, и об устройстве, которое он дал государству, существуют самые разноречивые рассказы. Но более всего расходятся сведения о том, в какую пору он жил¹. ...

8. Второе и самое смелое из преобразований Ликурга — передел земли. Поскольку господствовало страшное неравенство, толпы неимущих и нуждающихся обременяли город, а все богатства перешли в руки немногих, Ликург, дабы изгнать наглость, зависть, злобу, роскошь и еще более старые, еще более грозные недуги государства — богатство и бедность, уговорил спартанцев объединить все земли, а затем поделить их заново и впредь хранить имущественное равенство, превосходства же искать в доблести, ибо нет меж людьми иного различия, иного первенства, нежели то, что устанавливается порицанием постыдному и похвалою прекрасному. Переходя от слов к делу, он разделил Лаконию между периэками, или, иначе говоря, жителями окрестных мест, на тридцать тысяч участков, а земли, относящиеся к самому городу Спарте, — на девять тысяч, по числу семей спартиатов. ... Каждый надел был такой величины, чтобы приносить по семидесяти медимнов² ячменя на одного мужчину и по двенадцати на женщину и соразмерное количество жидких продуктов. Ликург полагал, что этого окажется достаточным для такого образа жизни, который сохранит его согражданам силы и здоровье, меж тем как иных потребностей у них быть не должно. Рассказывают, что позже, возвращаясь из какой-то отлучки и проезжая по недавно сжатым полям, где ровными рядами высились одинаковые груды колосьев, он улыбнулся и промолвил своим спутникам: «Вся Лакония кажется мне собственностью многих братьев, которые только что ее поделили».

9. Затем он взялся за раздел и движимого имущества, чтобы до конца уничтожить всяческое неравенство, но, понимая, что открытое изъятие собственности вызовет резкое недовольство, одолел алчность и корыстолюбие косвенными средствами. Во-первых, он вывел из

¹ По-видимому, легенда о Ликурге окончательно сложилась только в IV в.; царские списки уже были составлены, поэтому для него пришлось искать места вне их, не царем, а царским опекуном.

² *Медимн* — мера объема сыпучих тел, приблизительно 52,5 л.

употребления всю золотую и серебряную монету, оставив в обращении только железную, да и той при огромном весе и размерах назначил ничтожную стоимость, так что для хранения суммы, равной десяти минам, требовался большой склад, а для перевозки — парная запряжка. По мере распространения новой монеты многие виды преступлений в Лакедемоне исчезли. Кому, в самом деле, могла припасть охота воровать, брать взятки или грабить, коль скоро нечисто нажитое и спрятать было немислимо, и ничего завидного оно собою не представляло, и даже разбитое на куски не получало никакого употребления? Ведь Ликург, как сообщают, велел закалять железо, окуная его в уксус, и это лишало металл крепости, он становился хрупким и ни на что более не годным, ибо никакой дальнейшей обработке уже не поддавался.

Затем Ликург изгнал из Спарты бесполезные и лишние ремесла. Впрочем, большая их часть, и без того удалась бы вслед за общепринятой монетой, не находя сбыта для своих изделий. Возить железные деньги в другие греческие города было бессмысленно, — они не имели там ни малейшей ценности, и над ними только потешались, — так что спартанцы не могли купить ничего из чужеземных пустяков, да и вообще купеческие грузы перестали приходить в их гавани. В пределах Лаконии теперь не появлялись ни искусный оратор, ни бродячий шарлатан-предсказатель, ни сводник, ни золотых или серебряных дел мастер — ведь там не было больше монеты! Но в силу этого роскошь³, понемногу лишившаяся всего, что ее поддерживало и питало, сама собой увяла и исчезла. Зажиточные граждане потеряли все свои преимущества, поскольку богатству был закрыт выход на люди, и оно без всякого дела пряталось взаперти по домам. По той же причине обыкновенная и необходимая утварь — ложа, кресла, столы — изготовлялась у спартанцев как нигде, а лаконский котон⁴ считался, по словам Крития, незаменимым в походах: если приходилось пить воду, неприглядную на вид, он скрывал своим цветом цвет жидкости, а так как муть задерживалась внутри, отстаиваясь на внутренней стороне выпуклых стенок, вода достигала губ уже несколько очищенной. И здесь заслуга принадлежит законодателю, ибо ремесленники, вынужденные отказаться от производства бесполезных предметов, стали вкладывать все свое мастерство в предметы первой необходимости.

10. Чтобы нанести роскоши и страсти к богатству еще более решительный удар, Ликург провел третье и самое прекрасное преобразование — учредил общие трапезы: граждане собирались вместе и все ели одни и те

³ По археологическим данным, этот переход от обычной греческой «роскоши» к казарменной «простоте» действительно имел место в Спарте, но позже, в начале VI в., когда II Мессенская война потребовала постоянного военного положения для поддержания власти над илотами.

⁴ *Котон* — глиняный сосуд с одной ручкой и с узким горлышком, очень выпуклый внизу.

же кушанья, нарочито установленные для этих трапез; они больше не проводили время у себя по домам, валяясь на мягких покрывалах у богато убранных столов, жирея благодаря заботам поваров и мастеровых, точно прожорливые скоты, которых откармливают в темноте, и растлевая не только нрав свой, но и тело, предающееся всевозможным наслаждениям и излишествами, приобретающее потребность в долгом сне, горячих купаниях, полном покое — словно в некоем ежедневном лечении. Это, конечно, чрезвычайно важно, но еще важнее, что благодаря совместному питанию и его простоте богатство, как говорит Феофраст, перестало быть завидным, перестало быть богатством. Невозможно было ни воспользоваться роскошным убранством, ни насладиться им, ни даже выставить его напоказ и хотя бы потешить свое тщеславие, коль скоро богач ходил к одной трапезе с бедняком. Таким образом из всех городов под солнцем в одной лишь Спарте оправдалась ходячая истина, что бог Богатства слеп и лежит не подымаясь, точно изображение на картине, неодоушевленное и неподвижное. Нельзя было и явиться на общий обед, предварительно насытившись дома: все зорко следили друг за другом и, если обнаруживали человека, который не ест и не пьет с остальными, порицали его, называя разнузданным и изнеженным.

...
12. ...

На трапезы собиралось человек по пятнадцать, иной раз немногим менее или более. Каждый сотрапезник приносил ежемесячно медимн ячменной муки, восемь хоев⁵ вина, пять мин⁶ сыра, две с половиной мины смокв и, наконец, совсем незначительную сумму денег для покупки мяса и рыбы. Если кто из них совершал жертвоприношение или охотился, для общего стола поступала часть жертвенного животного или добычи, но не всё целиком, ибо замешкавшийся на охоте или из-за принесения жертвы мог пообедать дома, тогда как остальным надлежало присутствовать. Обычай совместных трапез спартанцы неукоснительно соблюдали вплоть до поздних времен. Когда царь Агид, разбив афинян, возвратился из похода и, желая пообедать с женой, послал за своей частью, полемархи отказались ее выдать. Назавтра царь в гневе не принес установленной жертвы, и полемархи наложили на него штраф.

За трапезами бывали и дети. Их приводили туда точно в школу здравого смысла, где они слушали разговоры о государственных делах, были свидетелями забав, достойных свободного человека, приучались шутить и смеяться без пошлого кривляния и встречать шутки без обиды. Спокойно переносить насмешки считалось одним из главных достоинств спартанца. Кому становилось невтерпеж, тот мог просить пощады, и насмешник тотчас умолкал. Каждому из входивших старший за столом говорил, указывая на

⁵ Хой — мера жидкости, приблизительно 3,283 л.

⁶ Мина — мера веса, приблизительно 436,6 г.

дверь: «Речи за порог не выходят». Рассказывают, что желавший стать участником трапезы, подвергался вот какому испытанию. Каждый из сотрапезников брал в руку кусок хлебного мякиша и, словно камешек для голосования, молча бросал в сосуд, который подносил, держа на голове, слуга. В знак одобрения комок просто опускали, а кто хотел выразить свое несогласие, тот предварительно сильно стискивал мякиш в кулаке. И если обнаруживали хотя бы один такой комок, соответствующий просверленному камешку⁷, искателю в приеме отказывали, желая, чтобы все, сидящие за столом, находили удовольствие в обществе друг друга. Подобным образом отвергнутого называли «каддированным» — от слова «каддихос», обозначающего сосуд, в который бросали мякиш. Из спартанских кушаний самое знаменитое — черная похлебка. Старики даже отказывались от своей доли мяса и уступали ее молодым, а сами вволю наедались похлебкой. Существует рассказ, что один из понтийских царей единственно ради этой похлебки купил себе повара-лаконца, но, попробовав, с отвращением отвернулся, и тогда повар ему сказал: «Царь, чтобы есть эту похлебку, надо сначала искупаться в Эвроте». Затем, умеренно запив обед вином, спартанцы шли по домам, не зажигая светильников: ходить с огнем им запрещалось как в этом случае, так и вообще, дабы они приучались уверенно и бесстрашно передвигаться в ночной темноте. Таково было устройство общих трапез.

13. ...

Итак, одна из ретр⁸, как уже сказано, гласила, что писанные законы не нужны. Другая, опять-таки направленная против роскоши, требовала, чтобы в каждом доме кровля была сделана при помощи только топора, а двери — одной лишь пилы, без применения хотя бы еще одного инструмента. И если впоследствии, как рассказывают, Эпаминонд говорил о своем столе: «За таким завтраком нет места измене», — то Ликург предвосхитил эту мысль, сообразив, что в подобного рода доме не найдется места роскоши и безумным тратам. Нет человека настолько безвкусного и безрассудного, чтобы в дом, сработанный просто и грубо, вносить ложа на серебряных ножках, пурпурные покрывала, золотые кубки и спутницу всего этого — роскошь. Волей-неволей приходится прилаживать и приспособливать к дому ложе, к ложу — постель, к постели — прочую обстановку и утварь. Этой привычкой к умеренности объясняется, между прочим, вопрос, который, как говорят, задал в Коринфе Леотихид Старший. Обедая в каком-то доме и разглядывая богато украшенный штучный потолок, он спросил хозяина: «Разве деревья у вас растут четырехугольными?»

...

16. Отец был не в праве сам распорядиться воспитанием ребенка — он

⁷ В афинском суде голосовали камешками, которые клали в сосуд: белый или целый — в знак оправдания, черный или просверленный в знак обвинения.

⁸ *Ретра* — договор или изречение оракула.

относил новорожденного на место, называемое «лесхой», где сидели старейшие сородичи по филе. Они осматривали ребенка и, если находили его крепким и ладно сложенным, приказывали воспитывать, тут же назначив ему один из девяти тысяч наделов. Если же ребенок был тщедушным и безобразным, его отправляли к Апофетам (так назывался обрыв на Таигете), считая, что его жизнь не нужна ни ему самому, ни государству, раз ему с самого начала отказано в здоровье и силе. По той же причине женщины обмывали новорожденных не водой, а вином, испытывая их качества: говорят, что больные падучей и вообще хворые от несмешанного вина погибают, а здоровые закаляются и становятся еще крепче. Кормилицы были заботливые и умелые, детей не пеленали, чтобы дать свободу членам тела, растили их неприхотливыми и не разборчивыми в еде, не боящимся темноты или одиночества, не знающими, что такое своеволие и плач. Поэтому иной раз даже чужестранцы покупали кормилиц родом из Лаконии. ... Между тем спартанских детей Ликург запретил отдавать на попечение купленным за деньги или нанятым за плату воспитателям, да и отец не мог воспитывать сына, как ему заблагорассудится.

Едва мальчики достигали семилетнего возраста, Ликург отбирал их у родителей и разбивал по отрядам, чтобы они вместе жили и ели, приучаясь играть и трудиться друг подле друга. Во главе отряда он ставил того, кто превосходил прочих сообразительностью и был храбрее всех в драках. Остальные равнялись на него, исполняли его приказы и молча терпели наказания, так что главным следствием такого образа жизни была привычка повиноваться. За играми детей часто присматривали старики и постоянно ссорили их, стараясь вызвать драку, а потом внимательно наблюдали, какие у каждого от природы качества — отважен ли мальчик и упорен ли в схватках. Грамоте они учились лишь в той мере, в какой без этого нельзя было обойтись, в остальном же все воспитание сводилось к требованиям беспрекословно подчиняться, стойко переносить лишения и одерживать верх над противником. С возрастом требования делались все жестче: ребятишек коротко стригли, они бегали босиком, приучались играть нагими. В двенадцать лет они уже расхаживали без хитона, получая раз в год по гиматию⁹, грязные, запущенные; бани и умачения были им незнакомы — за весь год лишь несколько дней они пользовались этим благом. Спали они вместе, по илам и отрядам¹⁰, на подстилках, которые сами себе приготавливали, ломая голыми руками метелки тростника на берегу Эвроты. Зимой к тростнику подбрасывали и примешивали так называемый ликофон¹¹: считалось, что это растение обладает какою-то согревающей силой.

⁹ *Хитон* — подпоясанная нижняя рубаха, обычно без рукавов, и *гиматий* — плащ, перекинутый через левое плечо и оставлявший свободным правое, — две части, из которых состояла обычно вся мужская одежда.

¹⁰ *Илы* — возможно, соединения нескольких отрядов.

¹¹ *Ликофон* — («волчья смерть») — разновидность чертополоха.

17. В этом возрасте у лучших юношей появляются возлюбленные. Усугубляют свой надзор и старики: они посещают гимнасии, присутствуют при состязаниях и словесных стычках, и это не забавы ради, ибо всякий считает себя до некоторой степени отцом, воспитателем и руководителем любого из подростков, так что всегда находилось, кому вразумить и наказать провинившегося. Тем не менее из числа достойнейших мужей назначается еще и педоном — надзирающий за детьми, а во главе каждого отряда сами подростки ставили одного из так называемых иренов — всегда наиболее рассудительного и храброго. (Иренами зовут тех, кто уже второй год как возмужал, меллиренами — самых старших мальчиков.) Ирен, достигший двадцати лет, командует своими подчиненными в драках и распоряжается ими, когда приходит пора позаботиться об обеде. Большим он дает наказ принести дров, малышам — овощей. Все добывается кражей: одни идут на огороды, другие с величайшей осторожностью, пуская в ход всю свою хитрость, пробираются на общие трапезы мужей. Если мальчишка попадался, его жестоко избивали плетью за нерадивое и неловкое воровство. Крали они и всякую иную провизию, какая только попадалась под руку, учась ловко нападать на спящих или зазевавшихся караульных. Наказанием попавшимся были не только побои, но и голод: детей кормили весьма скудно, чтобы, перенося лишения, они сами, волей-неволей, понаторели в дерзости и хитрости. Вот какое воздействие оказывала скудость питания; впрочем, как говорят, действовала она и еще в одном направлении — увеличивала рост мальчиков. Тело вытягивается в высоту, когда дыхание не стеснено слишком утомительными трудами и, с другой стороны, когда тяжелый груз пищи не гонит его вниз и вширь, напротив, когда, в силу своей легкости, дух устремляется вверх; тогда-то человек и прибавляет в росте легко и быстро. Так же, по-видимому, создается и красота форм: худоба, сухощавость легче сообразуется с правильным развитием членов тела, грузная полнота противится ему. ...

18. Воруя, дети соблюдали величайшую осторожность; один из них, как рассказывают, украв лисенка, спрятал его у себя под плащом, и хотя зверек разорвал ему когтями и зубами живот, мальчик, чтобы скрыть свой поступок, крепился до тех пор, пока не умер. О достоверности этого рассказа можно судить по нынешним эфебам¹²: я сам видел, как не один из них умирал под ударами у алтаря Орфии.

Закончив обед, ирен кому приказывал петь, кому предлагал вопросы, требующие размышления и сообразительности, вроде таких, как: «Кто лучший среди мужей?» или «Каков поступок такого-то человека?» Так они с самого начала жизни приучались судить о достоинствах сограждан, ибо если тот, к кому был обращен вопрос «Кто хороший гражданин? Кто заслуживает

¹² *Эфебы* — юноши, достигшие совершеннолетия (16—18 лет), внесенные в списки граждан, а в Афинах и некоторых других государствах несущие пограничную службу.

порицания?»), не находил, что ответить, это считали признаком природы вялой и равнодушной к добродетели. В ответе полагалось назвать причину того или иного суждения и привести доказательства, облекши мысль в самые краткие слова. Того, кто говорил невпопад, не обнаруживая должного усердия, ирен наказывал — кусал за большой палец. Часто ирен наказывал мальчиков в присутствии стариков и властей, чтобы те убедились, насколько обоснованны и справедливы его действия. Во время наказания его не останавливали, но когда дети расходились, он держал ответ, если кара была строже или, напротив, мягче, чем следовало.

...

19. Детей учили говорить так, чтобы в их словах едкая острота смешивалась с изяществом, чтобы краткие речи вызывали пространные размышления. Как уже сказано, Ликург придал железной монете огромный вес и ничтожную ценность. Совершенно иначе поступил он со «словесной монетою»: под немногими скупыми словами должен был таиться обширный и богатый смысл, и, заставляя детей подолгу молчать, законодатель добивался от них ответов метких и точных. Ведь подобно тому, как семя людей, безмерно жадных до соитий, большею частью бесплодно, так и несдержанность языка порождает речи пустые и глупые. Какой-то афинянин насмеялся над спартанскими мечами — так-де они коротки, что их без труда глотают фокусники в театре. «Но этими кинжалами мы отлично достаём своих врагов», — возразил ему царь Агид. Я нахожу, что речь спартанцев, при всей своей внешней краткости, отлично выражает самую суть дела и остается в сознании слушателей.

Сам Ликург говорил, по-видимому, немного и метко, насколько можно судить по его изречениям, дошедшим до нас. Так, человеку, который требовал установления демократического строя в Спарте, он сказал: «Сначала ты установи демократию у себя в доме». Кто-то спросил, почему он сделал жертвоприношения такими умеренными и скромными. «Чтобы мы никогда не переставали чтить божество», — ответил Ликург. А вот что сказал он о состязаниях: «Я разрешил согражданам лишь те виды состязаний, в которых не приходится поднимать вверх руки»¹³. Сообщают, что и в письмах он отвечал согражданам не менее удачно. «Как нам отвратить от себя вторжение неприятеля?» — «Оставайтесь бедными, и пусть никто не тщится стать могущественнее другого». О городских стенах: «Лишь тот город не лишен укреплений, который окружен мужами, а не кирпичами». Трудно, однако, решить, подлинны или же подложны эти письма.

...

21. Пению и музыке учили с неменьшим тщанием, нежели четкости и чистоте речи, но и в песнях было заключено своего рода жало, возбуждавшее мужество и понуждавшее душу восторженным порывам к действию. Слова

¹³ *Поднимать вверх руки* — жест побежденного.

их были просты и безыскусны, предмет — величав и нравоучителен. То были в основном прославления счастливой участи павших за Спарту и укоры трусам, обреченным влачить жизнь в ничтожестве, обещания доказать свою храбрость или — в зависимости от возраста певцов — похвальба ею. ...

22. Во время войны правила поведения молодых людей делались менее суровыми: им разрешалось ухаживать за своими волосами, украшать оружие и платье, наставники радовались, видя их подобными боевым коням, которые гордо и нетерпеливо пританцовывают, фыркают и рвутся в сражение. Поэтому, хотя следить за волосами мальчики начинали, едва выйдя из детского возраста, особенно старательно их умащали и расчесывали накануне опасности, памятуя слова Ликурга о волосах, что красивых они делают еще благовиднее, а уродливых — еще страшнее. В походах и гимнастические упражнения становились менее напряженными и утомительными, да и вообще в это время с юношей спрашивали менее строго, чем обычно, так что на всей земле для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом от подготовки к ней.

Когда построение боевой линии заканчивалось, царь на глазах у противника приносил в жертву козу и подавал знак всем увенчать себя венками, а флейтистам приказывал играть Касторов напев и одновременно сам затягивал походный пеан. Зрелище было величественное и грозное: воины наступали, шагая сообразно ритму флейты, твердо держа строй, не испытывая ни малейшего смятения — спокойные и радостные, и вела их песня. В таком расположении духа, вероятно, ни страх, ни гнев над человеком не властны; верх одерживают неколебимая стойкость, надежда и мужество, словно даруемые присутствием божества. Царь шел на врага в окружении тех из своих людей, которые заслужили венок победою на состязаниях. Рассказывают, что на Олимпийских играх одному лаконцу давали большую взятку, но он отказался от денег и, собрав все свои силы, одолел противника. Тогда кто-то ему сказал: «Что тебе за выгода, спартанец, от этой победы?» «Я займу место впереди царя, когда пойду в бой», — улыбаясь ответил победитель.

Разбитого неприятеля спартанцы преследовали лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы закрепить за собою победу, а затем немедленно возвращались, полагая неблагоприятным и противным греческому обычаю губить и истреблять прекративших борьбу. Это было не только прекрасно и великодушно, но и выгодно: враги их, зная, что они убивают сопротивляющихся, но щадят отступающих, находили более полезным для себя бежать, чем оставаться на месте.

...

24. Воспитание спартанца длилось и в зрелые годы. Никому не разрешалось жить так, как он хочет: точно в военном лагере, все в городе подчинялись строго установленным порядкам и делали то из полезных для государства дел, какое им было назначено. Считая себя принадлежащими не

себе самим, но отечеству, спартанцы, если у них не было других поручений, либо наблюдали за детьми и учили их чему-нибудь полезному, либо сами учились у стариков. Ведь одним из благ и преимуществ, которые доставил согражданам Ликург, было изобилие досуга. Заниматься ремеслом им было строго-настрого запрещено, а в погоне за наживой, требующей бесконечных трудов и хлопот, не стало никакой надобности, поскольку богатство утратило всю свою ценность и притягательную силу. Землю их возделывали илоты, внося назначенную подать. Один спартанец, находясь в Афинах и услышав, что кого-то осудили за праздность и осужденный возвращается в глубоком унынии, сопровождаемый друзьями, тоже опечаленными и огорченными, просил окружающих показать ему человека, которому свободу вменили в преступление. Вот до какой степени низким и рабским считали они всякий ручной труд, всякие заботы, сопряженные с наживой! Как и следовало ожидать, вместе с монетой исчезли и тяжбы; и нужда и чрезмерное изобилие покинули Спарту, их место заняли равенство достатка и безмятежность полной простоты нравов. Все свободное от военной службы время спартанцы посвящали хорородам, пирам и празднествам, охоте, гимназиям и лесхам.

25. Те, кто был моложе тридцати лет, вовсе не ходили на рынок и делали необходимые покупки через родственников и возлюбленных. Впрочем, и для людей постарше считалось зазорным непрерывно толкаться на рынке, а не проводить большую часть дня в гимназиях и лесхах¹⁴. Собираясь там, они чинно беседовали, ни словом не упоминая ни о наживе, ни о торговле — часы текли в похвалах достойным поступкам и порицаниях дурным, похвалах, соединенных с шутками и насмешками, которые неприметно увещали и исправляли. Да и сам Ликург не был чрезмерно суров: по сообщению Сосибия, он воздвиг небольшую статую бога Смеха, желая, чтобы шутка, уместная и своевременная, пришла на пиры и подобные им собрания и стала своего рода приправою к трудам каждого дня.

Одним словом, он приучал сограждан к тому, чтобы они и не хотели и не умели жить врозь, но, подобно пчелам, находились в нерасторжимой связи с обществом, все были тесно сплочены вокруг своего руководителя и целиком принадлежали отечеству, почти что вовсе забывая о себе в порыве воодушевления и любви к славе. Этот образ мыслей можно различить и в некоторых высказываниях спартанцев. Так Педарит, не избранный в число трехсот¹⁵, ушел, сияя и радуясь, что в городе есть триста человек лучших, чем он. Полистратид с товарищами прибыл посольством к полководцам персидского царя; те осведомились, явились ли они по частному делу или от лица государства. «Если все будет ладно — от лица государства, если нет — по частному делу», — ответил Полистратид. К Аргилеониде, матери Брасида,

¹⁴ *Лесха* — место для бесед (ср. гл. 16), по-видимому — портики и т.п. постройки; в аристократической Спарте они служили тем местом общения, каким в демократических Афинах был рынок («агора», городская площадь).

¹⁵ То есть в отряд царских телохранителей.

пришли несколько граждан Амфиполя, оказавшиеся в Лакедемоне, и она спросила их, как погиб Брасид и была ли его смерть достойна Спарты. Те стали превозносить покойного и заявили, что второго такого мужа в Спарте нет. «Не говорите так, чужестранцы, — промолвила мать. — Верно, Брасид был достойный человек, но в Лакедемоне есть много еще более замечательных».

26. Как уже говорилось, первых старейшин Ликург назначил из числа тех, кто принимал участие в его замысле. Затем он постановил взамен умерших всякий раз выбирать из граждан, достигших шестидесяти лет, того, кто будет признан самым доблестным. ... Решение это выносилось следующим образом. Когда народ сходил, особые выборные закрывались в доме по соседству, так чтобы и их никто не видел, и сами они не видели, что происходит снаружи, но только слышали бы голоса собравшихся. Народ и в этом случае, как и во всех прочих, решал дело криком. Соискателей вводили не всех сразу, а по очереди, в соответствии со жребием, и они молча проходили через Собрание. У сидевших взаперти были таблички, на которых они отмечали силу крика, не зная кому это кричат, но только заключая, что вышел первый, второй, третий, вообще очередной соискатель. Избранным объявлялся тот, кому кричали больше и громче других. ...

27. Не менее замечательны были и законы, касавшиеся погребения. Во-первых, покончив со всяческим суеверием, Ликург не препятствовал хоронить мертвых в самом городе и ставить надгробия близ храмов, чтобы молодые люди, привыкая к их виду, не боялись смерти и не считали себя оскверненными, коснувшись мертвого тела или переступив через могилу. Затем он запретил погребать что бы то ни было вместе с покойником: тело следовало предавать земле обернутым в пурпурный плащ и увитым зеленью оливы. Надписывать на могильном камне имя умершего возбранялось; исключение Ликург сделал лишь для павших на войне и для жриц. Срок траура он установил короткий — одиннадцать дней; на двенадцатый должно было принести жертву Деметре¹⁶ и положить предел скорби. Ликург не терпел безразличия и внутренней расслабленности, необходимые человеческие действия он так или иначе сочетал с утверждением нравственного совершенства и порицанием порока; он наполнил город множеством поучительных примеров, среди которых спартанцы вырастали, с которыми неизбежно сталкивались на каждом шагу и которые, служа образцом для подражания, вели их по пути добра.

По этой же причине он не разрешил выезжать за пределы страны и путешествовать, опасаясь, как бы не завезли в Лакедемон чужие нравы, не стали подражать чужой, неупорядоченной жизни и иному образу правления. Мало того, он изгонял тех, что стекались в Спарту без какой-либо нужды или

¹⁶ *Деметра* — богиня земли и мать подземной Персефоны. В Афинах обычный срок траура был 30 дней.

определенной цели — не потому, как утверждает Фукидид, что боялся, как бы они не переняли учрежденный им строй и не выучились доблести, но, скорее, страхась, как бы эти люди сами не превратились в учителей порока. Ведь вместе с чужестранцами неизменно появляются и чужие речи, а новые речи приводят новые суждения, из которых неизбежно рождаются многие чувства и желания, столь же противные существующему государственному строю, сколь неверные звуки — слаженной песне. Поэтому Ликург считал необходимым зорче беречь город от дурных нравов, чем от заразы, которую могут занести извне.

28. Во всем этом нет и следа несправедливости, в которой иные винят законы Ликурга, полагая, будто они вполне достаточно наставляют в мужестве, но слишком мало — в справедливости. И лишь так называемая криптия, если только и она, как утверждает Аристотель, — Ликургово нововведение, могла внушить некоторым, в том числе и Платону, подобное суждение о спартанском государстве и его законодателе. Вот как происходили криптии. Время от времени власти отправляли бродить по окрестностям молодых людей, считавшихся наиболее сообразительными, снабдив их только короткими мечами и самым необходимым запасом продовольствия. Днем они отдыхали, прячась по укромным уголкам, а ночью, покинув свои убежища, умерщвляли всех илотов, каких захватывали на дорогах. Нередко они обходили и поля, убивая самых крепких и сильных илотов. Фукидид в «Пелопоннесской войне» рассказывает, что спартанцы выбрали отличившихся особо храбростью илотов, и те, с венками на голове, словно готовясь получить свободу, посещали храм за храмом, но немного спустя все исчезли, — а было их более двух тысяч, — и ни тогда, ни впоследствии никто не мог сказать, как они погибли. Аристотель особо останавливается на том, что эфоры, принимая власть, первым делом объявляли войну илотам, дабы узаконить убийство последних. И вообще спартанцы обращались с ними грубо и жестоко. Они заставляли илотов пить несмешанное вино, а потом приводили их на общие трапезы, чтобы показать молодежи, что такое опьянение. Им приказывали петь дрянные песни и танцевать смехотворные танцы, запрещая развлечения, подобающие свободному человеку. Даже гораздо позже, во время похода фиванцев в Лаконию, когда захваченным в плен илотам велели спеть что-нибудь из Терпандра, Алкмана или лаконца Спендонта, они отказались, потому что господам-де это не по душе. Итак, тот, кто говорит, что в Лакедемонии свободный до конца свободен, а раб до конца поработан, совершенно верно определил сложившееся положение вещей. Но, по-моему, все эти строгости появились у спартанцев лишь впоследствии, а именно, после большого землетрясения, когда, как рассказывают, илоты, выступив вместе с мессенцами, страшно бесчинствовали по всей Лаконии и едва не погубили город. Я, по крайней мере, не могу приписать столь гнусное дело, как криптии, Ликургу, составивши себе понятие о нраве этого человека по той

кротости и справедливости, которые в остальном отмечают всю его жизнь и подтверждены свидетельством божества.

29. Когда главнейшие из законов укоренились в обычаях спартанцев и государственный строй достаточно окреп, чтобы впредь сохраняться собственными силами, то, подобно богу у Платона, возвеселившемуся при виде возникшего мироздания, впервые пришедшего в движение, Ликург был обрадован и восхищен красотой и величием своего законодательства, пущенного в ход и уже грядущего своим путем, и пожелал обеспечить ему бессмертие, неизбежность в будущем — поскольку это доступно человеческому разумению. Итак, собрав всенародное Собрание, он заявил, что теперь всему сообщена надлежащая мера, что сделанного достаточно для благоденствия и славы государства, но остается еще один вопрос, самый важный и основной, суть которого он откроет согражданам лишь после того, как спросит совета у бога. Пусть-де они неукоснительно придерживаются изданных законов и ничего в них не изменяют, пока он не вернется из Дельф, он же, когда возвратится, выполнит то, что повелит бог. Все выразили согласие и просили его поскорее отправляться, и, приняв у царей и старейшин, а затем и у прочих граждан присягу в том, что, покуда не вернется Ликург, они останутся верны существующему строю, он уехал в Дельфы. Прибыв к оракулу и принеся богу жертву, Ликург спросил, хороши ли его законы и достаточны ли для того, чтобы привести город к благоденствию и нравственному совершенству. Бог отвечал, что и законы хороши, и город пребудет на вершине славы, если не изменит Ликургову устройству. Записав прорицание, Ликург отослал его в Спарту, а сам, снова принеся жертву богу и простившись с друзьями и с сыном, решил не освобождать сограждан от их клятвы и для этого добровольно умереть: он достиг возраста, когда можно еще продолжать жизнь, но можно и покинуть ее, тем более что все его замыслы пришли, по-видимому, к счастливому завершению. Он уморил себя голодом, твердо веря, что даже смерть государственного мужа не должна быть бесполезна для государства, что самой кончине его надлежит быть не безвольным подчинением, но нравственным деянием. Для него, рассудил он, после прекраснейших подвигов, которые он свершил, эта смерть будет поистине венцом удачи и счастья, а для сограждан, поклявшихся хранить верность его установлениям, пока он не вернется, — стражем тех благ, которые он доставил им при жизни. И Ликург не ошибся в своих расчетах. Спарта превосходила все греческие города благозаконием и славой на протяжении пятисот лет, пока блюла законы Ликурга, в которых ни один из четырнадцати правивших после него царей, вплоть до Агида, сына Архидама, ничего не изменил. Создание должности эфоров послужило не ослаблению, но упрочению государства: оно лишь на первый взгляд было уступкой народу, на самом же деле — усилило аристократию.

30. В царствование Агида монета впервые проникла в Спарту, а вместе

с нею вернулись корыстолюбие и стяжательство, и все по вине Лисандра. Лично он был недоступен власти денег, но исполнил отечество страстью к богатству и заразил роскошью, привезя — в обход законов Ликурга — с войны золото и серебро. Прежде, однако, когда эти законы оставались в силе, Спарта вела жизнь не обычного города, но скорее многоопытного и мудрого мужа, или, говоря еще точнее, подобно тому как Геракл в песнях поэтов обходит вселенную с одной лишь дубиной и шкурою на плечах, карая несправедливых и кровожадных тиранов, так же точно Лакедемон с помощью палки-скиталы¹⁷ и простого плаща главенствовал в Греции, добровольно и охотно ему подчинявшейся, низвергал незаконную и тираническую власть, решал споры воюющих, успокаивал мятежников, часто даже щитом не шевельнув, но отправив одного-единственного посла, распоряжениям которого все немедленно повиновались, словно пчелы, при появлении матки дружно собирающиеся и занимающие каждая свое место. Таковы были процветающие в городе благозаконие и справедливость.

¹⁷ *Палка-скитала* — древнейший способ шифровки. Спарта была в Греции единственным государством, заботившимся о сохранении военных тайн.